

После поездки в Лянчжоу между Сяо Чжигэ и Сюэ Уи установилось молчаливое взаимопонимание. Поскольку двум предводителям армии «Байдин» все еще требовалась помощь Сюэ Уи, чтобы добраться до Лянчжоу, обе стороны общались довольно часто. К тому же история с портретом нитями уходила в Сицян, поэтому Сяо Чжигэ отправил Сюэ Уи еще одно письмо с расспросами о племени цзяожэнь. Одновременно с этим он подослал лазутчиков в Юйцзэ для тайного расследования.

— Письмо уже отправлено, но ответа придется ждать несколько дней, — проговорил Сяо Чжигэ. — Я также направил гонца в Ецзин с приказом разыскать способ проверить дворцовые архивы и посмотреть, нет ли там упоминаний о племени цзяожэнь.

Если человек с портрета, отец Юй Сяо и Ань Чанцин действительно были связаны с племенем цзяожэнь, не могло быть так, чтобы за столько лет о них не донеслось ни единого слуха. Единственное сведение нашлось в виде скупой строчки в старой книге. Какое бы то ни было племя, если только оно не прячется в глухих чащах, избегая всяких контактов с внешним миром, неизбежно оставило бы следы своего существования.

Тем более что, судя по внешности человека с портрета и его связи с Сицяном и Юйцзэ, он никак не мог быть простым смертным. Если столь заметные фигуры и весь их народ спустя несколько веков не оставили по себе почти никаких записей, напрашивался единственный вывод: все упоминания были уничтожены намеренно.

На данный момент достоверно известно одно: человек на портрете был связан с первым царем Сицяна, Сюэ Чаном. А Сюэ Чан и Хуай Шуань когда-то порвали с Основателем, вместе подняли восстание против Да Е и создали собственные государства... Прежде Сяо Чжигэ полагал, что обоими движали лишь явные амбиции и желание править самостоятельно. Но то, что этот портрет одновременно связывал Сицян и Юйцзэ, обходя лишь Да Е, заставило Сяо Чжигэ задуматься глубже.

Примечание автора:

Трусишка: Я стану отцом (тайком радуется).

Трусишка: Но когда становишься отцом, нельзя больше делить ложе... (хмурится).

Трусишка... (постепенно погружается в терзания).

Отправив письма одно за другим, Сяо Чжигэ понимал: выяснить давно забытые дела прошлых лет быстро не удастся. Зато Ань Чанцин первым получил ответное письмо от госпожи Юй.

С момента прибытия в Яньчжоу в конце каждого месяца он отправлял весточку домой в Ецзин. Но на этот раз дело касалось его происхождения и ребенка в чреве, поэтому он послал письмо намного раньше обычного. Опасаясь утечки сведений, Ань Чанцин не стал писать прямо, лишь иносказательно упомянул слышанную им историю о племени цзяожэнь. Если госпоже Юй что-то известно о нем, она наверняка упомянула бы об этом в ответ.

Ань Чанцин распечатал конверт. Госпожа Юй писала так же, как и всегда: сначала обнадёжила, что у нее с Ань Сяньюй в поместье все хорошо, затем пересказала пару забавных случайностей из их повседневной жизни и только в самом конце сдержанно поинтересовалась, где он услышал историю о племени цзяожэнь и не случилось ли с ним чего-то недоброго.

«Так я и думал», — вздохнул про себя Ань Чанцин. Отправив весточку, он часто вспоминал прошлое и вдруг отчетливо припомнил: едва они с сестрой переехали в поместье князя,

госпожа Юй с необычайной тревогой расспрашивала, не происходит ли чего странного, когда они с Сяо Чжигэ делят постель. Тогда ему показалось это странным, но он решил, будто мать излишне переживает за него и просто не подберет нужных слов. Но теперь становилось ясно: мама утаила от него нечто важное.

Подав письмо Сяо Чжигэ, Ань Чанцин сказал:

— На бумаге всего не объяснишь. Нужно расспросить матушку лично.

Сяо Чжигэ согласился. Поразмыслив немного, он произнес:

— Ты сейчас носишь ребенка, долгий путь тебе противопоказан. Я прикажу слугам бережно доставить матушку и Сяньюй в Яньчжоу. — Сделав паузу, он добавил: — Когда они приедут, пусть на время останутся здесь.

Ань Чанцин почти мгновенно все понял и с нерешительностью спросил:

— Дело в Его Величестве?..

Сяо Чжигэ кивнул и произнес низким голосом:

— Донесения от лазутчиков подтверждают: Его Величество недавно тяжело переболел. Он оправился, но от прежней бодрости не осталось и следа.

Если быть точнее, подводные камни кролись в пилюле «Возвращение весны», поднесенной даосом Ляо. С тех пор как даос преподнес это средство, он пользовался неизменным благоволением императора Аньцина. Под его ненавязчивым влиянием государево доверие к Шу-гуйфэй и третьему принцу лишь крепло. В этот раз третий принц отправился с войсками на подавление мятежа в Сышуй. Хотя народное волнение улеглось еще до того, как он успел проявить себя, по возвращении в столицу император Аньцин щедро осыпал его наградами. Он даже продвинул по службе нескольких чиновников из клики Шу-гуйфэй. При дворе повеяло переменами, и фракция императрицы и наследного принца более не могла сидеть сложа руки.

Сяо Чжигэ лишь велел намекнуть им о пагубном влиянии снадобья, а те подхватили мысль на лету и хитроумной интригой сбросили даоса Ляо с высоты.

Император Аньцин, узнав о вреде пилюли «Возвращение весны», от гнева и волнения сплюнул кровью и слег. Он пролежал на драконьем ложе дней пять или шесть, прежде чем пришел в себя, но сил у него заметно поубавилось. До приема пилюли он выглядел крепким мужчиной лет сорока с небольшим. Настойка словно сбросила ему десяток лет. Но едва проявилась пагубная глубинная суть «Возвращения весны», стало лишь хуже, чем до лечения: говаривали, будто теперь он похож на дряхлеющего старца старше пятидесяти.

К счастью, в Придворной лечебнице нашлись умелые врачи, поддерживавшие его ценными снадобьями, так что хоть император Аньцин и ослабел, умирать в ближайшее время не собирался.

Вот только Шу-гуйфэй и третий принц попали под удар из-за связи с даосом Ляо, впали в немилость и оказались под домашним арестом. Клик императрицы воспользуется моментом для взлета, а поскольку император Аньцин слишком слаб, чтобы править, наследный принц уже фактически начал прибирать к рукам управление государством.

Вспомнив, как во время пребывания в Ецзине наследный принц то и дело оказывал знаки

внимания Ань Чанцину, Сяо Чжигэ мгновенно ожесточился в лице. Он твердо решил поскорее перевезти близких на свою территорию, пока наследный принц не решил использовать их в качестве уязвимого места. В Ецзине царит смута, так что вывезти двух женщин из загородного поместья не составит ни малейшего труда.

Ань Чанцин, размыслив о положении в Ецзине, тоже посчитал затею разумной. В мирное время жилью двух женщин на загородной вилле ничего не угрожало, но в смутные времена даже под охраной легко попасть в беду. Пусть жизнь в Яньчжоу суровее, это все же лучше, чем находиться в самом эпицентре бури.

Видя, что возражений нет, Сяо Чжигэ тут же направил гонца в Ецзин. В поместье госпожи Юй уже находились стражники из княжеской обители; им и предстоит тайно сопроводить женщин в Яньчжоу.

Закончив о делах, Сяо Чжигэ спрятал письмо, бережно обнял Ань Чанцина за талию и осторожно повел к выходу:

— Ань Фу сказывал, у тебя совсем не было аппетита за завтраком? Повара приготовили не то или ты плохо себя чувствуешь?

В последние дни Сяо Чжигэ словно наконец осознал, что вскоре станет отцом. Он относился к Ань Чанцину, будто тот был сделан из хрупкого фарфора. В пределах поместья он не спускал с него глаз, боясь, как бы тот о что-нибудь не ушибся. По ночам больше не распускал рук и вел себя предельно смирно. Разве что вставал по четыре-пять раз за ночь, дабы подоткнуть одеяло, вечно опасаясь, что Ань Чанцин сбросит его во сне и простудится.

Прошлой ночью Ань Чанцин сквозь сон открыл глаза и обнаружил, что Сяо Чжигэ вовсе не спит, а лишь пристально вглядывается в его лицо. Не будь Ань Чанцин столь привычен к его дыханию и присутствию за долгие ночи вместе, он мог бы не на шутку перепугаться.

Видя, как Сяо Чжигэ изводится от беспокойства, Ань Чанцин одновременно чувствовал беспомощность и веселье. Он пробормотал:

— Вовсе у меня не плохой аппетит, я просто съел на полпиалы каши меньше обычного.

Сяо Чжигэ насупился:

— Раньше ты съедал по две пиалы каши и еще две-три тарелочки закусок. — А этим утром осилил лишь полторы.

В последнее время у Ань Чанцина и вправду разыгрался зверский аппетит. Каждое утро он съедал по две пиалы мясной каши с несколькими легкими закусками. К обеду ему требовалось как минимум два мясных блюда, два овощных, суп и большая пиала риса «Восемь сокровищ», чтобы наесться. И даже при этом до самого ужина он умудрялся съесть немало лакомств.

Сначала Сяо Чжигэ переживал, как бы тот не объелся и не испортил желудок. Но после осмотра лекарь Ху объяснил, что у некоторых во время беременности просыпается отменный аппетит. С тех пор князь начал переживать, что Ань Чанцин недоедает, и стоит тому съесть хоть на ложку меньше, как он дотошно расспрашивал о причинах.

Ань Чанцин сокрушенно вздохнул, взял руку, нежно лежавшую у него на талии, и переложил на свой живот, заставляя тщательно ощупать:

— У меня даже живота еще нет. Не рановато ли князь тревожится?

Сяо Чжигэ сжал губы и ласково погладил его животик:

— Но Ху Шифэй говорил, что в первые месяцы нужно беречься пуще прежнего.

Ань Чанцин поправил его:

— Лекарь Ху говорил, что беречься нужно в первые три месяца, пока плод не закрепился.

А между тем опасный трехмесячный рубеж остался позади незаметно для них обоих. В то время он сваливал все на обычное недомогание, и никому в голову не приходило помыслить о беременности. Когда все подтвердилось, три месяца уже миновали. Лекарь Ху позже подтвердил, что пульс у него ровный и сильный, а здоровье отменное. Хотя срок еще мал и развитие дитя не разглядеть, если отец здоров, то и с ребенком все будет в порядке.

Но Сяо Чжигэ слышал лишь то, что хотел слышать, и с тех пор готов был носить его на руках, лишь бы тот палец о палец не ударил.

<http://bllate.org/book/18381/1767818>